

ГРИНЕВИЧ Е. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ГРИНЕВИЧ Евгений Густавович, родился в 1874 в Москве. Кадровый офицер, в 1914 — на фронте в чине полковника (имел ряд наград и отличий)¹, в 1917 — участник революции, с 1918 — организатор Красной армии, с 1923 — после демобилизации работал в инвалидных организациях, являясь их организатором. Поддерживал связь с сестрами, проживавшими в Харбине, получая от них материальную поддержку. В 1930-х — получил персональную пенсию как инвалид Красной армии, подрабатывал кассиром в конторе. Весной 1935 — выслан с женой из Ленинграда в Саратов на 5 лет².

В июне 1935 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<1 июня 1935>

«Глубокоуважаемый и дорогой товарищ
Екатерина Павловна

10 сего мая я послал Вам обстоятельное заявление спешной почтой, оказать свое содействие в восстановлении меня в правах и возвратить в Ленинград, т<ак> к<ак> я совершенно ошибочно выслан в Саратов из Ленинграда, у меня все подробно изложено в моем заявлении к Вам. Сейчас спешу предупредить Вас, что мною еще послано заявление об этом же Наркому Обороны тов<арищу> Ворошилову и Прокурору Республики тов<арищу> Вышинскому. Мне посоветовали это сделать. Но у меня главная надежда на Вас, т<ак> к<ак> вы терпеливо все прочтете заявление, и все говорят, что всегда поможете. Надеюсь, и мне. Сейчас я чувствую себя ужасно, ужасно плохо, в особенности, в отношении жизни жены. Прибегаю к Вам и очень прошу взять меня в особую опеку и по возможности следить за ходом моего дела и при результате спешно уведомить меня. Очень и очень Вас прошу обратить внимание на мою просьбу. Наведите справки, в каком положении мое заявление, адресованное тов<арищу> Вышинскому, Прокурору Республики, может быть даже не получено. Так было с одним уже заявлением, я знаю.

Итак, вся надежда на Вас. У меня даже рука сейчас дрожит, не могу писать, а пишу всегда очень хорошо.

Жду от Вас срочного уведомления. Очень, очень прошу навести справки.

Е. Г. Гриневич.

Саратов, Главпочтамт, до востребования,
Гриневич Евгений Густавович.

Положение мое отчаянное — документы все отобраны, пенсионная книжка тоже отобрана, на запросы ответов нет. Без документов, без работы и без пенсионной книжки, а главное работа, т<ак> к<ак> пенсия мне здесь в Саратове всего лишь 23 руб<лей> в месяц на нас с женой»³.

В сентябре 1935 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его жена Гриневич Екатерина Михайловна.

<9 сентября 1935>

¹ Алфавитный указатель жителей Петрограда на 1917 год. Петербургский генеалогический портал, 2005. Издательство ВИРД, 2005.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1298. С. 71-72; Д. 1447. С. 247.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1298. С. 72. Автограф.

«Председателю Комиссии помощи
Политическим Заключенным
Е. П. Пешковой

Жены инвалида Красной
армии Е. М. Гриневич

Заявление

Состояние здоровья моего мужа сейчас очень плохое. Мой муж Гриневич Евгений Густавович еще в мае 1935 года из Саратова послал заявление Наркому Обороны тов<арищу> Ворошилову, Наркому Внутренних Дел тов<арищу> Ягода и Заместителю Прокурора СССР тов<арищу> Леплевскому; но до сих пор ответа ни от кого не получил

Он просил только справедливого решения, принимая во внимание, что весь свой боевой опыт, не щадя своего здоровья он принес на создание Красной Армии.

Но посланное Вам заявление он получил от Вас 2/VI 1935 г<ода> за № 4847 ответ следующего содержания: "В ответ на Ваше обращение сообщая, что Ваше заявление нами получено и с ходатайством по Вашему делу мы обратились. По Получении ответа Вас известим. О результате заявления прокурору СССР ответ получите непосредственно". Прошло более 3-х месяцев. Ответа тоже нет. Трудно передать, что пережито за это время. Муж похудел на 5 килограмм, а ему и грамм нельзя терять. После службы в Красной Армии он страдает язвами желудка и язвами 12-ти перстной кишки, а также травматическим неврозом, а теперь, вследствие слишком сильных переживаний и волнений, у него обнаружена еще сахарная болезнь.

В связи с массовой высылкой из Ленинграда 9-го марта были высланы и мы. Сперва в Тургай. Но муж тотчас же ночью послал телеграммы из Ленинграда Наркому Обороны тов<арищу> Ворошилову и Наркому Внутренних Дел т<оварищу> Ягода — обратив их внимание, что муж является организатором Красной Армии в Ленинграде. Более 5 лет служил в Кр<асной> Ар<мии>. Поступил добровольцем, участвовал в особых совещаниях по Организации Красной Армии в Петрограде. Просил пересмотреть его дело, просил допросить его, а пока заменить наказание. На другой же день утром прибыл уполномоченный НКВД и сообщил нам — Тургай заменяется Саратовом. И вот уже полгода мы в Саратове. Мы совершенно переродились. Средств к существованию нет. На работу не принимают. Муж подал заявления в Саратовский горсобес о зачислении его на учет и выдаче ему пенсии и о предоставлении ему какой-либо работы. Несмотря на служебные записки Крайсобеса и НКВД (приложения № 1 и №2) он получил уведомление от Горсобеса, что административно-ссылные на Гособеспечение не принимаются, — а под Гособеспечением подразумевается выдача пенсии и предоставление работы. Итак, муж 11 лет непрерывно инвалид, служил в инвалидных организациях, является основателем их, а сейчас его не принимают и лишают окончательно куска хлеба. Что же дальше делать? Как жить нам вдвоем? Я совершенно нетрудоспособная и больная — страдаю общим неврозом в тяжелой форме и, кроме того, сейчас по заключению врачей-специалистов <мне> необходима операция — вскрытие брюшины.

Муж имеет отличную характеристику с места службы (приложение №3). В продолжение всего Революционного времени он никогда не подвергался аресту, и у него никогда не было обысков. Все Комиссары всегда относились к нему внимательно, и он пользовался всегда у них особым доверием.

Все его считали активным участником Революции.

Единственная скрытая причина его ссылки в Саратов может быть — это новый управдом дома, где мы жили в Ленинграде, демобилизованный, он ютился в очень маленькой комнате — семейный, служил в войсках ГПУ. Мы же занимали две очень хорошие комнаты с удобствами.

Когда муж мой, с которым мы прожили 30 лет, был впервые арестован и находился в Доме Предварительного Заключения, то в первую же ночь ему не дали очнуться и 7 раз вызывали на допрос. Причем, настоятельно требовали, чтобы он сказал, что говорили о Советской власти, когда он был в гостях, и кто там был? Так как о Советской власти разговора никакого не было с ним, то муж каждый раз отвечал, что ничего не говорил, а кто был, конечно, всех назвал. Тогда стали от мужа особенно требовать уже несколько человек, причем, один обещал, что через час муж будет свободен, другой угрожал — если не скажет, то ему обеспечен концентрационный лагерь на 3 года, или уже дальше высылка. Давали ему по часу, по полчаса на обдумывание, а потом опять требовали от него, чтобы он сказал, с повторными угрозами. Но так как муж действительно не слышал, то он, конечно, и отказывался. И, когда наконец муж заявил, что он вообще лгать не привык, и что он честный гражданин Советского Союза, и лгать и неправду говорить не заставят, то тогда на это ему ответили: ну, так попадете в далекие края, а что мы в этой бумажке напишем, указывая на протокол, то это останется навсегда, а после этого чуть не выгнали из кабинета.

Мы были назначены в Тургай и случайно только очутились в Саратове. Муж честно, не щадя здоровья, служил в Красной Армии в самое тяжелое и важное время в период организации, формирования, а также в период боевых действий. Во время наступления Юденича на Петроград он поддерживал оперативную связь между Штабами Округа и Укреплением Райкома. Муж является активным участником Революции, и это все знают, и это зафиксировано на бумаге, а, следовательно, если бы была перемена власти, он конечно бы обязательно подлежал расстрелу. Недавно умер бывший начальник Штаба Петроградского воен<ого> окр<уга> и Помощник Командира войсками Александров Леонид Капитонович. Он был также Начальником Штаба 7-й армии, которая разгромила Юденича, отстояла Петроград, защитила революцию. Мой муж 37 лет знал Александрова — вместе учились и вместе служили в Красной Армии. Даже вместе занимались в Штабе в одном кабинете. Друг другу всегда помогали. Муж был всегда ближайшим помощником Александрова. Александров был Красный Партизан, и мой муж имел одинаковое право на это, но все собирался подать заявление. Оба они честно, не щадя здоровья, дни и ночи работали добросовестно. Еще тов<арищ> Позерн на похоронах высказал вдове тов<арища> Александрова, — что она жена героя, — если бы не было Александрова, может быть не было и Ленинграда. Он получил достойную высокую оценку.

Президиум Ленинградского Совета, признав за Александровым заслуги Революции, принял похороны на свой счет. Тов<арищ> Александров Леон<ид> Кап<итонович> был похоронен в Ленинграде на Коммунистической площади Александро-Невской Лавры, а мой муж больной, 62 лет, инвалид Красной Армии, с потерей трудоспособности на 95%, выслан из Ленинграда и считается административно ссыльным.

Но ведь муж мой также принес пользу в деле организации Красной Армии, которая спасла Революцию, и это засвидетельствовано Революционным Военным Советом Округа (приложения № 4 и № 5).

Револ<юционный> Военный Совет Округа сам возбудил особое ходатайство о пенсии за заслуги мужа. Он получил высокое звание инвалида Красной Армии, а теперь все отнято обратно. Если и есть за мужем вина, — что он бывший дворянин и бывший полковник, то, во всяком случае, он своей добровольной и честной службой в Красной Армии в течение более 5 лет совершенно смыл это и навсегда.

Если Вы лично почувствуете, что муж мой действительно достоин, чтобы его восстановили в правах, то очень прошу Вас, принять решительно все зависящие от Вас меры для освобождения нас от этого нравственного гнета. Убедительно прошу обратить особое внимание на настоящее заявление и, как исключение возбудить, ходатайство перед тов<арищем> Сталиным.

И хотя меня останавливали и говорили, что Вы бессильны помочь, но я все же решилась побеспокоить Вас, так как верю и надеюсь, что Вы, Екатерина Петровна⁴, можете нам помочь вернуться в Ленинград.

Буду ожидать от Вас с нетерпением известий.

Приложение: 5 документов
9/IX – 35

Екатерина Михайловна Гриневич.

Адрес: Саратов, Рабочая ул<ица>, д<ом> № 54, кв. 1»⁵.

В сентябре 1935 — находился там же, работал в государственном цирке. 28 октября 1937 — арестован по обвинению в том, что «враждебно настроен по отношению к советской власти». 14 ноября приговорен к ВМН, 16 ноября расстрелян⁶ (согласно расстрельным спискам), по другим данным, поздней осенью 1938 — благодаря "бериевской оттепели" расстрел был заменен на ссылку в Казахстан.

⁴ Неправильно указано отчество Екатерины Павловны Пешковой.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 231-233. Автограф.

⁶ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.